

А.Г. О с и п о в

ДВИЖЕНИЕ МЕСХЕТИНЦЕВ ЗА РЕПАТРИАЦИЮ (1956–1988 гг.)

Организованная общественная активность в условиях тоталитаризма, не санкционируемая и не контролируемая государством, представляет немалый интерес для исследователя. В СССР послесталинского и доперестроечного периода любая попытка людей самоорганизоваться вне официальных рамок по-своему уникальна и заслуживает изучения и описания хотя бы потому, что документальная источниковая база ограничена, а круг живых свидетелей с каждым годом становится все уже.

К организованным общественным инициативам, в той или иной степени противопоставившим себя политической линии и институтам Советского государства, относятся движения, пытавшиеся представлять депортированные в 1930–1950-е годы этнические общности и добивавшиеся восстановления их прежнего положения. К их числу относятся и движение месхетинцев (*месхетинских турок, месхов*), выступавшее за возвращение этого народа в родные места.

Месхетинцы – мусульмане-сунниты, говорящие на турецком языке. В ноябре 1944 г. они были насильственно переселены из Южной Грузии (из Ахалцихского региона, являющегося частью исторической провинции Месхети) в Среднюю Азию и Казахстан и размещены в сельской местности на положении спецпереселенцев. Вместе с месхетинцами из Ахалцихского региона были высланы и другие мусульманские группы – говорившие на азербайджанском языке терекеменцы (*карапахи*) и курды, а общее число депортированных из этих мест (включая демобилизованных после войны военнослужащих) достигало, по оценкам, 100 тыс. чел. В конце ноября 1944 г. около 7,5 тыс. чел. – курдов, турок и хемшилов – было депортировано также из Аджарии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. национальности, высланные из Южной Грузии, вместе с крымскими татарами и балкарцами были освобождены от специального надзора органов МВД и связанных с ним ограничений¹, однако им было запрещено возвращаться в родные места. Месхетинцы не получили такой возможности вплоть до настоящего времени. В конце 1950-х годов возникло движение за их возвращение в Южную Грузию, существующее и поныне.

История месхетинцев изучена не очень подробно, и это в полной мере можно отнести и к движению за репатриацию в советский период. До настоящего времени в научный оборот было введено ничтожно мало материалов, связанных с соответствующими сюжетами.

С конца 1960-х годов сообщения о движении месхетинцев вместе с аналитическими комментариями иногда появлялись в неофициально распространяемом информационном бюллетене «Хроника текущих событий», а также в некоторых других публикациях самиздата. Материалы самиздата, включая «Хронику текущих событий», стали основным источником информации о месхетинцах для зарубежных исследователей или авторов, работавших в эмиграции².

В месхетинском движении участвовали сотни людей, десятки из них выступали в роли лидеров местных, региональных и межреспубликанских («общенациональных») организационных структур. Они вели большую переписку, составляли коллективные петиции, воззвания, резолюции собраний и тому подобные тексты. Вполне естественно полагать, что по крайней мере часть этих документов сохранилась у тех, кто был в свое время причастен к движению, или у их наследников. Основными целями моего исследования, проведенного в 1995–1996 гг., являлись поиск частных собраний документов 1950–1980-х годов, находящихся в распоряжении бывших или нынешних месхетинских лидеров, и их изучение.

Поставленная задача была выполнена лишь частично. По словам многих опрошен-

ных мной месхетинцев, с начала 1960-х годов такие документы собирал лидер основного, «протурецкого» течения в месхетинском движении Энвер (Анвар) Одабашев (1911–1993), однако во время встречи в марте 1996 г. в Кабардино-Балкарии с его вдовой и сыном выяснилось, что архив был уничтожен пожаром осенью 1995 г. Осенью того же 1995 г. наследники одного из идеологов «прогрузинского» течения Латифшаха Бараташвили (1915–1984) приняли решение обрабатывать и публиковать его архив самостоятельно, не допуская к нему посторонних, и неизвестно, когда эти материалы будут введены в научный оборот. По словам сына ныне покойного лидера «прогрузинского» течения Халила Умерова-Гозалашвили (ум. в марте 1995 г.), отец за полтора года до смерти передал все материалы знакомым ему грузинским историкам. И только нынешний председатель общества месхетинских турок «Ватан» («Родина») Юсуф Сарваров, участник месхетинского движения с 1968 г., любезно предоставил мне возможность ознакомиться с материалами, которыми он располагает. Другие же ветераны движения за репатриацию, с которыми мне удалось встретиться, личных архивов не собирали. К сожалению, архив ныне действующего общества «Ватан» включает в себя документы последнего времени, самый ранний из них датируется 1989 г. Преемник «прогрузинского» течения – общество «Хсна» (груз. «Спасение») – вообще не имеет архива.

Собрание документов, которым располагает Ю. Сарваров, может быть названо архивом с большой натяжкой. Оно абсолютно не систематизировано и включает в себя совершенно разные по характеру и содержанию материалы: петиции в адрес руководителей партии и правительства СССР, союзных и автономных республик, протоколы разных уровней съездов и собраний активистов движения, частично переписку автора с другими участниками движения, а также дневниковые записи середины 1970-х годов и черновую рукопись мемуаров, охватывающую события 1971–1977 гг. Тем не менее эти тексты в совокупности с результатами интервью, взятыми у нескольких бывших и настоящих месхетинских активистов, дают много новой информации об истории движения и его особенностях.

В ряду использованных литературных источников заслуживает упоминания книга, написанная в 1985–1986 гг. на основе материалов из архива Латифшаха Бараташвили его дочерью Кларой Бараташвили³. Хотя книга является не исследовательской, а публицистической работой (причем весьма тенденциозного характера), она интересна приведенным в ней фактическим материалом и достаточно полным изложением взглядов сторонников так называемой прогрузинской ориентации в месхетинском движении.

После отмены в апреле 1956 г. режима спецпоселений сотни месхетинских семей попробовали перебраться в Грузию поближе к родным местам. Так, к ноябрю 1956 г. на территорию Грузии въехало 242 семьи, или 1030 чел.⁴ Эти попытки пресекались властями: переселенцев силами милиции выслали из республики или задерживали на ее границе. Тогда же, в 1956 г., на весь Ахалцихский регион был распространен режим пограничной зоны. В июне следующего года группа людей (приблизительно 80 семей), ехавших отдельным эшелоном на родину, была задержана сначала в Тбилиси, а затем в Боржоми, где их около двух недель продержали под охраной милиции, после чего отправили на ст. Сенаки (Цхакая). Переселенцам предложили поселиться на вновь осваиваемых землях в Цхакайском и Зугдидском районах. Некоторые семьи согласились, но вскоре из-за тяжелых условий жизни были вынуждены переселиться в Азербайджан и Среднюю Азию⁵. В 1957–1958 гг. в Аджарию не допустили десятки семей курдов и хемшилов. Были выселены: 21 апреля 1960 г. 30 семей месхетинцев из Лайтурского, 13 июля 1960 г. 50 семей из Махарадзевского, 20 июля 1960 г. 15 семей из Цхакайского, 15 марта 1961 г. 25 семей из Гальского, 25 апреля 1962 г. 10 семей из Гардабанского районов. В июле 1960 г. и в феврале следующего года были блокированы попытки въезда на территорию Грузии нескольких сотен месхетинских семей⁶. Подобные инциденты продолжались и в дальнейшем.

В среде месхетинцев укрепилось представление о том, что для возвращения в

родные места требуется принципиальное решение верховной власти. В 1956–1957 гг. появились первые инициативные группы, которые стали готовить коллективные обращения в партийные и государственные органы СССР и Грузинской ССР. По утверждению многих ветеранов движения, эту работу начал Мавлюд Байрахтаров, живший в Самаркандской обл. Узбекистана.

Проблема месхетинцев в тот период в определенной мере волновала и центральные власти. 31 октября 1957 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, который разрешил «лицам азербайджанской национальности», высланным из Южной Грузии, переселяться в Азербайджан⁷. По некоторым сведениям, инициатива в этом случае исходила от азербайджанских властей.

Необходимо отметить, что большинство месхетинцев по паспортным данным до настоящего времени считаются азербайджанцами. Многие месхетинцы согласились на переселение, рассматривая его как промежуточный этап в возвращении на родину. За переезд в Азербайджан агитировал и первый признанный лидер месхетинцев Мавлюд Байрахтаров. Переселенцев в основном направляли на освоение территорий солончаковой Муганской степи, где в то время возникло по меньшей мере девять месхетинских колхозов.

Перебравшись в 1959 г. в Мугань, М. Байрахтаров начал призывать к оседанию месхетинцев в Азербайджане, выступая против попыток возвращения в Ахалцихский регион. Позднее он стал председателем колхоза, депутатом Верховного Совета Азербайджана, Героем Социалистического Труда и надолго отошел от движения⁸.

На роль лидера выдвинулся Энвер Мушур-оглу Одабашев, участник войны, по профессии учитель истории, живший в Киргизии (в середине 1960-х годов он переселился в Саатлинский р-н Азербайджана). Именно он взял на себя основную организационную работу, увенчавшуюся созданием единой структуры. Э. Одабашев много ездил по регионам, искал сторонников, вел агитационную работу, доказывая необходимость объединения народа и наращивания усилий, которые подтолкнули бы власть к решению проблем месхетинцев.

По данным «Хроники текущих событий», Первое общенародное собрание (Butunhalk Kurultayı) месхетинцев было проведено 15 февраля 1964 г. в колхозе «Ленин йули» («Ленинский путь») Букинского р-на Ташкентской области⁹. По словам практически всех опрошенных мной участников движения, оно действительно прошло в указанном колхозе, но не в 1964, а в 1961 г. – по одним сведениям, в июне, по другим – в октябре. На съезде присутствовало, по разным оценкам, от 200 до 600 делегатов из разных регионов и несколько сот месхетинцев – местных жителей. Власти были проинформированы организаторами мероприятия о его проведении и не чинили препятствий, но прислали наблюдателей – представителей от обкома и райкома компартии Узбекистана, а также КГБ. На собрании было объявлено о создании Временного организационного комитета освобождения от высылки (Surgunden azadlik usul Vahti Teskili Komite). В дальнейшем в документах обычно использовалось усеченное название – Временный организационный комитет освобождения (ВОКО). Собрание приняло программный документ и обращение к центральным властям. Программный документ из 11 пунктов ставил перед движением следующие задачи: полную реабилитацию народа, снятие всех запретов и ограничений на передвижение, получение официального разрешения на организованное возвращение в Южную Грузию и др. Председателем ВОКО избрали Энвера Одабашева¹⁰.

Идея объединения людей по национальному признаку и создания общественного движения с целью воздействия на политическое руководство страны, как и само название этой организации, представляли собой в те времена настоящую крамолу. Э. Одабашев унес в могилу ответ на вопрос, как ему и его сторонникам пришла в голову мысль организовать фактически находившееся в оппозиции к советской власти независимое и одновременно не законспирированное общественное движение. Остается также загадкой, почему власти практически не отреагировали на Первый курултай месхетинцев, как и на последующие «общенародные собрания». Возможно, определен-

ную роль сыграло то, что его подготовка по времени совпала с очередной волной десталинизации перед XXII съездом КПСС.

На Первом курултае была одобрена организационная структура движения, хотя ВОКО и не получил писаного устава. Организация строилась по принципу «снизу вверх». Это означало, что в населенных пунктах, где жили месхетинцы, будут созданы низовые Временные организационные комитеты освобождения; председатели сельских (городских) ВОКО образуют районные организации, председатели районных – областные, а те в свою очередь республиканские. Предполагалось, что руководители республиканских (региональных) ВОКО по должности войдут в центральный ВОКО. Председатель и первый секретарь комитета должны были избираться на общенародном курултае.

Движение не имело фиксированного членства. Делегатов на курултай предполагалось избирать на собраниях месхетинцев на местах. Сложилось так, что норма представительства составляла приблизительно один делегат от 1000 чел. Делегаты приезжали на «общенародное собрание» с протоколами собраний и списками «выборщиков», и их полномочия подтверждала мандатная комиссия курултая¹¹.

Деятельность активистов движения в тот период, как и в последующие годы, развивалась в нескольких направлениях. Главным из них было написание петиций, адресованных руководителям КПСС и Советского государства, а также первым лицам союзных республик, с просьбами разобраться и решить судьбу остающегося в ссылке народа, и сбор подписей под этими обращениями. Не меньшее внимание уделялось подготовке делегаций «народных представителей» (прежде всего из числа участников войны, членов КПСС и лиц, имеющих правительственные награды), отправке их в Москву и Тбилиси с целью добиться приема у партийных и государственных руководителей союзного и республиканского уровней и открыть им глаза на истинное положение дел, которого, как предполагали, те не знают.

Участники движения также проводили собрания соплеменников, вели пропагандистскую работу: доказывали необходимость объединения и сплочения для достижения желаемой цели – возвращения на родину. Местные активисты участвовали также в подготовке республиканских и «общенародных» собраний и сборе средств на мероприятия, проводимые движением.

В начале 1960-х годов перед движением встала проблема, оказавшая позднее серьезное воздействие на всю ситуацию, – проблема этнической принадлежности месхетинцев. Постепенно выявились две ориентации: условно говоря, «грузинская» и «турецкая». Сторонники первой, настаивая на том, чтобы месхетинцы-мусульмане признали себя грузинами, поставили своей целью «возвращение к корням», т.е. языковую и культурную картвелизацию, и на этой основе добивались соглашения с властями Грузии. Считавшие себя турками были настроены на возвращение в Ахалцихский край без каких-либо предварительных условий, которые оговаривали бы их этническую принадлежность.

Как показывают источники, до установления в Грузии советской власти месхетинские мусульмане не имели четкого группового самосознания, которое можно было бы охарактеризовать как «национальное». В историографии, прежде всего грузинской, месхетинцы традиционно рассматриваются как «грузины-мусульмане» или как потомки православных грузин, обращенных в ислам и туркизированных в период с конца XVI до начала XIX в., когда Ахалцихский регион был частью Османской империи.

В советский период как до, так и после депортации 1944 г., власти не проводили в отношении месхетинцев определенной политики «конструирования» национальной идентичности. В короткие периоды начала 1920-х и конца 1930-х годов месхетинцев официально рассматривали как «грузин-мусульман», а чаще как «тюрок» или (с середины 1930-х годов) «азербайджанцев».

Не менее четверти месхетинцев имеют грузинские фамилии. «Паспортная национальность» большинства – азербайджанцы, части – турки и некоторых – грузины. По всем имеющимся источникам, по крайней мере до движения за репатриацию

большинство месхетинцев относились к вопросу о своей этнической принадлежности достаточно индифферентно¹².

То, что в начале 1960-х годов вопрос о национальной принадлежности месхетинцев не был в центре внимания лидеров и рядовых участников движения и не становился предметом дебатов, подтверждают многие, причем относящиеся к разным течениям, информаторы. Мнения о том, как себя идентифицировали участники инициативных групп и первых курултаев, расходятся. Как считают сторонники «турецкой» ориентации, в то время большинство называло себя турками и не считало нужным заострять на этом внимание как на вещи самоочевидной. Сторонники «грузинской» ориентации полагают, что люди считали себя грузинами по происхождению, а для обозначения народа в целом использовался термин «месхетинцы»¹³.

Поскольку в моем распоряжении нет документов первых курултаев, подтвердить или опровергнуть эти представления нет возможности. Во всяком случае нынешний председатель турецкого общества «Ватан» Ю. Сарваров рассказывал о том, что Э. Одабашев (позднее считавшийся лидером «турецкого» течения) дважды – в 1963 и 1965 гг. – обращался с посланиями к грузинской интеллигенции, в которых просил о поддержке движения, уверяя, что месхетинцы являются потомственными грузинами-месхами. По словам грузинского историка Гурама Мамулиа, поддерживавшего тесные связи с месхетинскими активистами, Э. Одабашев в первой половине 1960-х годов называл себя грузином¹⁴. Безусловно, в тот период термин «месхетинцы» использовался активистами движения: сохранилось несколько обращений инициативных групп к властям, где был употреблен этот термин¹⁵.

Остается до конца неясным, что именно спровоцировало в среде месхетинцев дебаты об их этнической принадлежности. Скорее всего эти дебаты можно считать результатом давления идеологической среды и укоренившихся в общественном сознании представлений о врожденной этничности (национальности) как обязательного атрибута любого «нормального» человека и о «нациях» как основных структурных элементах общества.

В конкретных обстоятельствах конца 1950-х – начала 1960-х годов важную роль, возможно, сыграли как неофициальные заявления грузинских должностных лиц на встречах с месхетинцами о том, что в Грузию на жительство будут пускать только грузин¹⁶, так и контакты месхетинских лидеров Э. Одабашева и Х. Умерова-Гозалашвили с представителями грузинской интеллигенции, которые агитировали «месхов» за «возвращение к национальным корням».

ВОКО не был единственной месхетинской организацией. Как пишет К. Бараташвили, в 1962 г. сторонниками «грузинской» ориентации был основан Комитет по возвращению на родину, в который вошли лидеры этого течения Латифшах Бараташвили, Халил Умеров-Гозалашвили, Джемаль Абашидзе и др.¹⁷ Правда, следует сказать, что комитет был практически неизвестен участникам движения под руководством ВОКО. Об этой организации никто ничего сказать не может.

В 1965–1966 гг. один из членов ВОКО, позднее лидер «грузинской» ориентации Х. Умеров-Гозалашвили пытался создать тайное общество с фиксированным членством (Кружок грузин-месхов), но его инициатива не получила поддержки¹⁸.

В 1963 г. было проведено Второе общенародное собрание (курултай) в Ташкентской обл., в 1965 и 1966 гг. – Третье и Четвертое в Саатлинском р-не Азербайджана, в 1968 г. – Пятое в Ташкентской обл. Узбекистана. С 1966 г. в документах движения вместо названия ВОКО стало использоваться наименование Главный организационный комитет освобождения (ГОКО). Движение развило «петиционную» кампанию.

Следует отметить, что все обращения к властям 1960–1980-х годов в качестве обязательного атрибута содержали изъявления лояльности Советскому государству, КПСС и «ленинской национальной политике». В некоторых случаях они сочетались с весьма радикальными по форме требованиями и критической риторикой, о чем речь пойдет ниже. К 1968 г. в высшие партийные и государственные инстанции СССР и Грузии были направлены по меньшей мере 24 месхетинских делегации. Самая крупная

из них (численностью около 200 чел.) побывала в Москве в июне–июле 1964 г.¹⁹ Встречи с начальствующими лицами проходили по разным сценариям. В некоторых случаях «ходоки» наталкивались на решительный отказ, иногда встречали сочувствие, чаще же – уклончивые ответы.

К концу 1960-х годов размежевание на «турецкую» и «грузинскую» ориентации стало более четким, хотя в основных мероприятиях движения (курултаи, крупные делегации), как правило, принимали участие сторонники обоих течений. Лидером «турецкой» ориентации стал Э. Одабашев, лидером «грузинской» – Х. Умеров-Гозалашвили. Шестое общенародное собрание (1970 г.) в итоговой резолюции названо собранием Общества защиты прав находящегося в ссылке *турецкого* народа. Возможно, упоминание «турецкого народа» появилось в документах движения раньше. Некоторые ветераны полагают, что такое название было дано движению в момент его создания. Однако документальных подтверждений этого нет.

Большинство месхетинцев тяготело к «турецкой» ориентации, но и «прогрузинское» движение в 1960–1980-е годы имело немало сторонников и выходило за рамки узкого кружка интеллигенции. Перевес «протурецкого» течения, по отзывам некоторых ветеранов, может быть в известной степени объяснен организаторским талантом Э. Одабашева и недостатком такового у лидера «грузинской» ориентации Х. Умерова-Гозалашвили²⁰.

Во второй половине 1960-х годов государство начало более активно реагировать на деятельность ВОКО (ГОКО).

С одной стороны, власти стали раздавать больше обещаний. Так, 30 мая 1968 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление № 2709-VII, в котором разъяснялось, что граждане СССР – турки, курды, хемшилы и азербайджанцы, ранее проживавшие в южных районах Грузии и в Аджарии, «пользуются правом, как и все граждане Советского Союза, проживать на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме». Вместе с тем в постановлении отмечалось, что упомянутые категории граждан «укоренились» на территории Узбекской, Казахской и других союзных республик²¹.

В ноябре 1968 г. одна из делегаций ВОКО добилась приема у ответственного работника ЦК КПСС Б.П. Яковлева, который обещал решить вопрос в ближайшее время и дал устное разрешение на переселение месхетинцев в Грузию²².

С другой стороны, усилилось давление на участников движения: с ними проводились беседы в местных органах власти, в КГБ и милиции, членам КПСС угрожали наказаниями по партийной линии. 23 марта 1966 г. Э. Одабашев и первый секретарь ВОКО Аллаз Изатов были задержаны милицией в аэропорту г. Фрунзе и на следующий день за мелкое хулиганство заключены на 15 суток. В апреле 1968 г. узбекские власти силами милиции и КГБ пытались воспрепятствовать проведению в Янгиюльском р-не Пятого общенародного собрания. Часть собравшихся была разогнана с помощью пожарных машин, более 120 чел. подверглись административному задержанию, двое якобы скончались от побоев в отделении милиции²³.

Весной 1968 г. несколько сот месхетинских семей (по разным оценкам, до 450) переселились в западные районы Грузии – Махарадзевский, Зугдидский и Гальский (в Абхазии). Местные хозяйства остро нуждались в притоке рабочей силы, поэтому районные власти первоначально приветствовали прибытие переселенцев. Однако в начале июля 1968 г. более 200 семей без какой-либо официальной мотивировки были выселены из Махарадзевского и Зугдидского районов с помощью милиции²⁴. 24 июля в Тбилиси в центре города власти разогнали собрание очередной делегации месхетинцев – сторонников и грузинской и турецкой ориентаций, добивавшей приема в ЦК компартии Грузии, а вместе с ними и месхетинцев, высланных из Западной Грузии. По некоторым данным, в Тбилиси тогда собралось до 7 тыс. месхетинцев²⁵ (по более осторожным оценкам, не более 1 тыс.). Многие из собравшихся были задержаны и депортированы из республики. Через год, в июне 1969 г. повторилась массовая высылка месхетинцев из Гальского р-на. Мотивы этой акции также остались невыясненными²⁶.

Возможно, влиятельные силы в руководстве Грузии были решительно настроены не допускать переезда в республику даже части месхетинцев. По ходившим в то время слухам, руководство Азербайджана и Узбекистана резко негативно относилось к перспективе отъезда в Грузию дешевой рабочей силы из этих республик.

19 апреля 1969 г. в г. Саатлы Азербайджана на учительской конференции был арестован Э. Одабашев. В тот же день в его доме был произведен обыск. 21 апреля несколько сот месхетинцев из различных населенных пунктов района, бросив работу, собрались в Саатлы у здания райкома партии и потребовали немедленного освобождения Э. Одабашева. Его выпустили на свободу в ночь на 23 апреля²⁷. В постановлении Шестого общенародного собрания упоминалось о попытках властей вновь привлечь к уголовной ответственности Э. Одабашева осенью 1969 г. (правда, без указания на содержание обвинения)²⁸.

Репрессивные акции властей и крах появившихся в 1968 г. надежд на положительное решение вопроса привели к радикализации требований ГОКО и появлению новых лозунгов, в частности призывы к эмиграции за пределы СССР. 27 августа 1969 г. 33-я по счету делегация месхетинцев в составе 113 чел. пыталась получить объяснения происходящему в ЦК КПСС, но столкнулась с оскорбительной, по их мнению, реакцией чиновников в приемной ЦК. В знак протеста делегаты бросили в приемной свои советские паспорта и другие документы и заявили о желании отказаться от советского гражданства. Утром 28 августа часть делегатов была задержана милицией и отправлена из Москвы по месту жительства²⁹. 6 апреля 1970 г. члены ГОКО Э. Одабашев, М. Ниязов, И. Керимов и Т. Ильясов обратились в посольство Турции с запросом относительно возможности выезда в эту страну желающих месхетинцев в случае дальнейшего отказа властей от решения проблемы возвращения депортированных на родину³⁰.

В начале мая 1970 г. в с. Адыгюнь Саатлинского р-на Азербайджана было проведено Шестое общенародное собрание (съезд общества по защите национальных прав находящегося в высылке) турецкого (в тексте постановления – *тюрецкого*) народа. Итоговое постановление от 2 мая 1970 г., составленное в резких выражениях, осуждало «акты насилия и произвола» со стороны властей и содержало упоминание о том, что именно это заставляет ГОКО обращаться в посольство Турции. В постановлении были одобрены действия 33-ей делегации в приемной ЦК КПСС (п. 7), действия членов ГОКО, обратившихся в турецкое посольство (п. 9), и содержалась просьба к властям «разрешить желающим выезд в Турцию», «если не будут удовлетворены наши требования» (п. 10).

Принципиально новым моментом следует считать появление в постановлении требования не только о возвращении народа в Месхети, но и о создании «Месхетинско-Турецкой АССР или Автономной области со столицей в Ахалцихе в рамках Грузинской ССР» (п. 1), а также о возмещении депортированным материального ущерба (п. 4).

25 мая 1971 г. в Москве были задержаны и подвергнуты административному аресту члены ГОКО М. Ниязов, А. Мамедов и Р. Сейфатов, которые хотели пройти в турецкое консульство для обсуждения вопроса о желающих эмигрировать месхетинцах³¹. 18 июля 1971 г. Седьмое народное собрание турецкого народа (в документах – «съезд турецкого общества защиты национальных прав находящегося в высылке турецкого народа») в своем постановлении вновь выдвинуло требование территориальной автономии месхетинцев в Южной Грузии. Требование месхетинской территориальной автономии после этого (вплоть до настоящего времени) не выдвигалось ни в одном документе движения, ни в выступлениях его лидеров. По словам Ю. Сарварова, выдвижение этого лозунга в конце 1960-х – начале 1970-х годов было результатом личной инициативы «радикала» М. Ниязова и произошло под его нажимом. Позднее движение месхетинцев не выдвигало лозунга эмиграции вплоть до 1990 г., когда появились инициативные группы, выступавшие за организованный выезд в Турцию.

Новым явлением в начале 1970-х годов стали апелляции, направляемые за пределы СССР. Помимо упомянутых выше обращений в представительства Республики Турция стоит отметить также, что в числе адресатов принятого на Седьмом курултае Протеста против репрессий властей упоминался и тогдашний Генеральный секретарь ООН У Тан³².

Конец 1960-х и начало 1970-х годов были периодом наивысшей активности движения месхетинцев. Появлялись новые организационные формы. С 6 по 20 июня 1971 г. в с. Адыгюнь Саатлинского р-на Азербайджана прошел съезд месхетинской молодежи, в котором участвовало более 200 чел. На нем было объявлено о создании Союза турецкой молодежи³³ (дальнейшая судьба этого объединения осталась неизвестной). Члены ГОКО, и прежде всего Э. Одабашев, участвовали в создании и расширении местных и региональных отделений движения. Так, 25 июля 1971 г. в с. Попеновка при участии Э. Одабашева состоялось общее собрание жителей г. Фрунзе турецкой национальности, на котором из 8 чел. во главе с Ю. Сарваровым был сформирован Фрунзенский комитет освобождения (ФКО); в протоколе собрания он назван также Фрунзенским комитетом защиты родины. Собрание приняло решение о создании молодежной организации³⁴. Позднее, в августе – октябре 1971 г. ФКО развернул работу по организации турецких комитетов в населенных пунктах Чуйской долины.

Этот факт заставляет задуматься о том, что собой представляла деятельность низовых и региональных отделений движения месхетинцев. Чуйская долина была и остается регионом, где живут значительные компактные группы месхетинцев, а также курдов из Месхети и хемшилов. Трудно допустить, что за 10 лет после проведения Первого курултая члены ВОКО не создавали там низовых структур движения. Известно, что представители комитета часто бывали во Фрунзе, а Э. Одабашев жил в Киргизии до середины 1960-х годов. Возможно, деятельность на местах носила не регулярный, а эпизодический характер, активизируясь в период кампаний, проводимых ВОКО (ГОКО), – во время подготовки курултаев, отправки делегаций в Москву или сбора подписей под петициями, и потому требовала надзора «сверху», прежде всего со стороны самого Э. Одабашева. Это, кстати, признают и некоторые ветераны движения. Отсутствие фиксированного членства и устава движения на практике, по-видимому, означало, что отношения между активистами и лидерами носили в основном неформальный характер.

Немалый интерес представляет вопрос, из кого преимущественно рекрутировались активисты движения и местные лидеры. Имеющиеся данные о социально-профессиональной принадлежности нескольких лидеров нельзя, разумеется, считать репрезентативными. Следует учитывать, что в месхетинской среде в 1960-е годы, как и сейчас, прослойка интеллигенции была очень тонка. Люди с высшим образованием – это специалисты массовых профессий (учителя, врачи, инженерно-технические работники). В этой связи трудно говорить, что движение было инициировано интеллигенцией, поскольку граница между интеллигенцией и не интеллигенцией была очень условной. Э. Одабашев работал учителем истории, позднее вышел на пенсию. Учителями были также Я. Хасанов, Л. Бараташвили и Х. Умеров-Гозалайбвили (Самаркандская обл.). М. Ниязов служил сначала колхозным счетоводом, а затем бухгалтером. И. Ашрафов – председатель ВОКО Ферганского региона в 1960-е годы был торговым работником. Сравнительно молодой (родился в 1939 г.) Ю. Сарваров, хотя и получил высшее образование (в 1974 г. закончил вечернее отделение Фрунзенского политехнического института), работал водителем на Фрунзенском комбинате шампанских вин. Я. Мусаев (Кабардино-Балкарская АССР), секретарь ВОКО, в середине 1980-х годов работал агрономом. Можно только предполагать с известной долей вероятности, что в роли лидеров и активистов выступали энтузиасты, по тем или иным причинам ощутившие ответственность за свой народ и с переменным успехом добивавшиеся массовой поддержки.

В 1971 г. власти продолжали проводить политику «кнута и пряника». 17 мая

ответственный работник ЦК КПСС Старченко обещал делегации во главе с Э. Одабашевым, что вопрос о возвращении месхетинцев решится положительно в течение ближайших трех-четырёх лет³⁵. В то же время усиливались репрессии. 18 июля 1971 г. узбекские власти силами КГБ и милиции пытались воспрепятствовать проведению Седьмого общенародного собрания в 3-м отделении совхоза им. Кирова Средне-Чирчикского р-на Ташкентской обл. (власти были заранее уведомлены ГОКО о проведении собрания).

Вопреки всему собрание состоялось: дороги были перекрыты слишком поздно, когда в назначенном месте уже собралось более 1000 чел., а угрозы арестов и разгона не возымели действия³⁶. В августе арестовали Э. Одабашева и вскоре осудили в Баку на 2 года лагеря общего режима по ст. 162 УК Азербайджанской ССР якобы за «самовольный захват колхозной земли». Во время заключения его повторно судили в Ташкенте и добавили срок в 2,5 года по ст. 191-4 и 191-6 УК Узбекской ССР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй» и «организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок»). Он освобожден в апреле 1974 г.³⁷

В октябре 1971 г. был осужден за «хулиганство» на 3,5 года М. Ниязов. В том же 1971 г. лагерные сроки получили А. Изатов – на 2 года, Р. Сейфатов – на 1 год, а в 1972 г. – И. Каримов на 8 месяцев³⁸.

Арест руководителей ослабил движение, но не прекратил его. Многие задачи ГОКО взяли на себя региональные организации, в частности Фрунзенский комитет. В 1971–1974 гг. Ю. Сарваровым (в 1974 г. стал председателем ВОК Киргизии и по должности заместителем Э. Одабашева) были подготовлены несколько обращений на имя высших руководителей СССР, а также первых секретарей компартий союзных республик. Только в Киргизии удалось собрать около 10 тыс. подписей под призывом к освобождению Э. Одабашева и других месхетинских лидеров³⁹.

Власти пытались воздействовать на месхетинских активистов не только угрозами и арестами лидеров. Были случаи увольнения активистов с работы. Например, в 1972 г. под нажимом органов государственной безопасности был уволен К. Анваров, работавший водителем на комбинате шампанских вин во Фрунзе. Многих уговаривали отказаться от писания петиций руководителям страны, доказывая им, что условия жизни в Средней Азии могут быть не хуже, чем в Грузии. Партийные органы инициировали обращения месхетинцев, прежде всего членов партии и ветеранов войны, к руководству союзных республик и, возможно, в ЦК КПСС с заверениями о нежелании переезжать в Грузию. С 1972 г. активистам рекомендовали добиваться переезда в Грузию на общих основаниях, однако на деле этот совет носил издевательский характер: на все запросы, направляемые районным властям в Южную Грузию, были получены ответы об отсутствии оснований для выдачи разрешений на въезд в пограничную зону.

В целом отношение органов госбезопасности и партийных органов к месхетинским активистам продолжало оставаться сравнительно терпимым, особенно если сопоставить его с гонениями на представителей движений крымских татар или немцев. Допустимы разные объяснения: возможно, власти были хорошо информированы о состоянии движения месхетинцев, знали, что оно не представляет угрозы, и не стремились обострять обстановку. Вероятно также, что власти пребывали в некоторой растерянности от дерзости месхетинских активистов, совершенно открыто создававших фактически оппозиционную организацию. Активисты на местах находились под постоянным наблюдением, с ними проводилась «разъяснительная» работа, но лагерные сроки вплоть до конца 1980-х годов, кроме пятерых названных выше лидеров, получили только К. Шамилов из Джамбула (заведующий складом, осужден за хищения в 1977 г. на 9 лет, из которых отсидел 4 года; вопрос о том, было ли его дело сфабриковано, остается открытым) и сам Ю. Сарваров.

Давление со стороны органов госбезопасности (слежка, угрозы) усиливался в тех случаях, когда участники движения пытались передавать информацию за границу или

московским диссидентам. Так произошло, например, когда одна из петиций была адресована наряду с первыми лицами государства председателю Общественной группы по контролю за соблюдением Хельсинкских соглашений Ю. Орлову (обращение из Фрунзе № 1/36 на имя М. Сулова, Н. Подгорного, Ю. Андропова и Ю. Орлова за подписью Ю. Сарварова от 9 июля 1976 г.).

После освобождения Э. Одабашева деятельность центрального руководства движения была возобновлена (центральный орган вновь стал именоваться ВОКО). 8 июня 1976 г. в с. Ерокко Кабардино-Балкарской АССР прошло Восьмое общенародное собрание, на котором дело дошло до открытого конфликта между сторонниками «турецкой» и «грузинской» ориентаций: председательствующий М. Ниязов потребовал от «грузин» покинуть «турецкий» съезд. Скандал был прекращен только усилиями Э. Одабашева⁴⁰.

В этот период активизировалось «прогрузинское» течение. В начале 1973 г. М. Байрахтаров и еще 7 чел. из Азербайджана (трое из них, включая самого М. Байрахтарова, – председатели колхозов) направили петицию на имя Э.А. Шеварднадзе, ставшего первым секретарем компартии Грузии. Авторы петиции настаивали на принадлежности месхетинцев к грузинскому народу и необходимости воссоединения с ним⁴¹. 12 апреля Э.А. Шеварднадзе принял авторов письма, после чего им дали возможность посетить Ахалцихский регион. Это событие оказалось симптомом нового смягчения отношения грузинских властей к «прогрузинскому» течению. Начиная с 1976–1977 гг. власти Грузии без особой огласки санкционировали переселение небольших групп месхетинцев в различные районы республики. Сторонники «грузинской» ориентации установили контакты с грузинскими диссидентами (Г. Мамулия, З. Гамсахурдиа, В. Рцхиладзе) и некоторыми представителями академической элиты, выступавшими за возвращение «грузин-мусульман» в лоно грузинской нации. Следует отметить, что в то время в этой среде «спасение денационализированных грузин-месхов» рассматривалось чуть ли не как патриотический долг.

В 1970-е годы не произошло полного раскола между приверженцами «турецкой» и «грузинской» ориентаций, хотя отношения между ними можно охарактеризовать как напряженные. Во многих делегациях принимали участие представители обоих течений. В петициях, направляемых грузинскому руководству, сторонники «турецкой» ориентации избегали использования слова «турки» и употребляли более нейтральные термины: «месхетинцы», «месхи». В документах, предназначенных для союзных властей, также преобладали компромиссные конструкции. Например, к слову «месхи» добавлялось пояснение в скобках – «турки, курды, хемшилы, азербайджанцы», иногда еще – «грузины». В целом ряде обращений был использован оборот «малочисленные мусульмане из Южной Грузии».

Возможно, в то время вопрос об этнической принадлежности еще не рассматривался месхетинцами как проблема первостепенной важности. Идея признания своего грузинского происхождения как предварительного условия возвращения на родину пользовалась определенной популярностью. По словам Ю. Сарварова, в конце 1970-х годов в Совет министров Грузии было направлено около 19 тыс. заявлений, подписанных главами семей, с просьбой о «присвоении» им грузинских фамилий и грузинской национальности. По словам занимающегося проблемами месхетинцев видного грузинского историка Г. Мамулия (в прошлом диссидента), в конце 1970-х годов грузинскими властями было получено около 10 тыс. заявлений от сторонников «прогрузинского» движения. По данным Ю. Сарварова, в середине 1980-х годов в Грузию поступило еще около 10 тыс. аналогичных прошений. В документе № 18 московской Хельсинкской группы от 14 января 1977 г. сообщалось об изъятии во время обыска у члена группы Ю.Ф. Орлова обращений упомянутого выше содержания с подписями 1100 глав семей⁴².

В 1978 и 1980 гг. в Азербайджане прошли Девятое и Десятое общенародные собрания. 14 февраля 1978 г. на приеме у председателя Совета министров Грузии З.А. Патаридзе так называемой малой делегацией ВОКО были получены заверения в

том, что грузинское руководство в ближайшее время начнет репатриацию месхетинцев, в частности примет на территорию Грузии в течение года от 4 до 10 тыс. чел. Однако при повторной встрече 29 июня того же года делегация получила иное заявление: вопрос о допуске месхетинцев на территорию пяти приграничных районов выходит за рамки компетенции правительства Грузинской ССР, а размещение в других районах республики потребует дополнительных согласований и более долгих сроков⁴³. Последующие четыре визита членов ВОКО в Тбилиси летом–осенью 1978 г. не прояснили планы грузинского руководства. В сентябре ВОКО выразил согласие с предложением З.А. Патаридзе и довел эту позицию до первого секретаря ЦК компартии Грузии во время приема «малой делегации» 15 февраля 1979 г.⁴⁴, но конкретных шагов со стороны грузинских властей не последовало вплоть до апреля.

3 апреля 1979 г. ЦК Коммунистической партии Грузии принял постановление (несколькими днями позже оно легло в основу постановления Совета министров республики) о расселении и трудоустройстве малых групп месхетинцев в некоторых районах Грузии. Представителям месхетинцев было заявлено, что в течение месяца их известят о дальнейших практических мерах⁴⁵. Назначенный уполномоченным ВОКО в Тбилиси Ю. Сарваров, не дождавшись официального ответа, решил проверить на себе действительность этих решений. В мае 1979 г. он с семьей попробовал въехать в Махарадзевский р-н, но был выдворен оттуда. После хождений по коридорам Совета министров и Государственного комитета по труду и занятости Грузинской ССР ему было предложено поселиться в с. Наразени Зугдидского р-на. Вместе с Сарваровыми в Наразени поселилось еще 10 месхетинских семей. Всем им была предложена неквалифицированная работа в совхозе, занимавшемся сбором и переработкой чая. Объявленного переселения в Грузию нескольких сотен семей⁴⁶ не произошло. Таким образом, грузинские власти в очередной раз прибегли к тактике проволочек.

В конце 1979 г. Наразени посетили представители грузинских диссидентов: Г. Мамулиа, К. Коринтели и, предположительно, З. Гамсахурдиа. Они призывали Ю. Сарварова и других месхетинцев написать заявления о своем желании «восстановить» грузинскую национальность и грузинские фамилии. Возможно, ранее нежелание лидеров месхетинцев ввязываться в дискуссию о своей этнической принадлежности дало контактировавшим с ними представителям грузинской интеллигенции основание полагать, что те готовы согласиться на «картвелизацию». Но визитеры встретили довольно резкий отказ. Более того, месхетинцы написали коллективную жалобу в ЦК компартии Грузии. После этого отношение к ним в Наразени резко изменилось в худшую сторону. По рассказу Ю. Сарварова, дело доходило до прямых угроз поджога и избиений его детей в школе. В марте 1980 г. он был вынужден выехать из Грузии сначала в Азербайджан, а затем в Кабардино-Балкарию.

Несмотря на неудачный исход предприятия Ю.Сарварова, грузинские власти продолжали размещать месхетинцев небольшими группами на территории разных районов, в основном тех, кто готов был признать себя грузином⁴⁷.

В 1980–1981 гг. лидеры ВОКО подготовили ряд коллективных петиций на имя генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, других руководителей государства, а также на имя делегатов XXVI съезда КПСС. Власть по-прежнему чередовала обещания и проволочки с репрессивными мерами. 12 октября 1981 г. в доме Ю. Сарварова в с. Нартан Кабардино-Балкарской АССР был проведен обыск. А в ноябре 1981 одной из делегаций удалось добиться аудиенции у генералов КГБ В.И. Проскурина и Н.М. Голушко, во время которой им были даны обнадеживающие обещания⁴⁸. Но 8 февраля 1982 г. очередной месхетинской делегации в грубой форме отказали в приеме в ЦК КПСС. Члены делегации (52 чел.) в знак протеста заявили, что они не покинут помещение приемной. Однако оттуда они были выдворены к концу рабочего дня сотрудниками милиции и депортированы из Москвы. Через несколько дней Ю. Сарваров был арестован в Нартане и осужден на 2 года лишения свободы по

ст. 191-прим. УК РСФСР («оказание сопротивления работнику милиции»). В месхетинском движении на несколько лет наметился спад.

В феврале 1986 г. в Кабардино-Балкарии прошло Десятое общее собрание месхетинцев (оно не имело статуса общенародного собрания). На нем 16 февраля с поста председателя ВОКО был смещен Э. Одабашев; по официальной версии – за отстранение от работы, по неофициальной – в результате соперничества за лидерство с Ю. Сарваровым и за симпатии к «прогрузинской» ориентации. ВОКО был переименован во Временный организационный комитет движения за возвращение (ВОК), его председателем был избран А. Сафаров⁴⁹. 12 апреля 1987 г. на расширенном собрании он был смещен с этого поста за ненадлежащее выполнение своих обязанностей, вместо него избрали Ю. Сарварова⁵⁰.

Смена высшего руководства страны и провозглашение им курса на обновление породили у месхетинцев новые надежды. 8 декабря 1987 г. Совет министров Грузии принял Постановление № 600 о размещении на территории республики месхетинцев, причем впервые было сказано о возможности их переселения на территорию Ахалцихского региона. В 1988 г. при ЦК КПСС была создана комиссия по проблеме месхетинцев. В том же году месхетинская проблема впервые стала освещаться средствами массовой информации. В 1987–1988 гг. вновь активизировалась «петиционная» кампания. Центральный ВОК непрерывно проводил с представителями местных организаций совещания и собрания, на которых принимались обращения к властям разных уровней. Была воссоздана сеть местных (областных, районных, сельских) ВОКО.

В этот период наметилось окончательное размежевание сторонников «турецкой» и «грузинской» ориентаций. В августе 1988 г. в с. Псыкод Кабардино-Балкарской АССР прошло «объединительное» внеочередное общенародное собрание, на котором «идейному разгрому» подверглась группа сторонников «грузинской» ориентации во главе с Х. Умеровым-Гозалашвили, признавших ошибочность своей позиции⁵¹.

ВОКО сделал окончательную ставку на центральные власти. Ситуация переломилась в июне 1989 г. во время ферганских событий – массовых погромов месхетинских турок в Ферганской обл. Узбекистана. Месхетинцы столкнулись с новыми проблемами: более 90 тыс. турок были вынуждены покинуть Узбекистан и переселиться в другие союзные республики. В Грузии усиление агрессивных националистических настроений и неспособности властей решить возникавшие проблемы похоронили возникшие надежды месхетинцев на скорое возвращение в родные места.

Движение месхетинцев не сумело добиться тех целей, которое ставило перед собой, – убедить советские власти создать условия для возвращения народа в те места, откуда он был выслан. Эта задача остается нерешенной и по сей день⁵². Тем не менее движение месхетинцев стало ярким, хотя и малоизвестным эпизодом новейшей советской истории, едва ли не единственным примером длительного существования массового общественного движения вне контроля со стороны властей и вопреки их воле. Кроме того, движение месхетинцев представляет собой своеобразную модель формирования этничности вне рамок государственного «нациестроительства».

Движение за репатриацию стимулировало поиск приемлемых вариантов групповой идентичности и привело к закреплению в сознании большей (к настоящему времени) части месхетинцев представления о своей групповой отличительности и особого самоназвания – «месхетинские турки», или «турки-месхетинцы».

Примечания

¹ Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 1. М., 1992. С. 82.

² См. напр.: *Wimbuch S.E., Wixman R. The Meskhetian Turks: A new Voice in Soviet Central Asia // Canadian Slavonic Papers. V. XVII. № 2–3. Toronto, 1975, P. 320–340; Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. М.: Вильнюс, 1992.*

³ *Бараташвили К., Бараташвили Л. Мы – месхи // Литературная Грузия (далее – ЛГ). 1988. № 8–11.*

⁴ Архив Ин-та политических партий и демократического созидания Парламента Республики Грузия

(б. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПГр). Ф. 4. Оп. 40. Д. 627. Л. 81 (далее – Архив Ин-та политических партий).

⁵ Интервью автора с участником этих событий Рамизом Саидовым. Пос. Кенже Кабардино-Балкарской Республики, 15 октября 1994 г.

⁶ Хроника текущих событий (далее – ХТС). № 19 // Хроника текущих событий. Вып. 16–27. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1979. С. 166–167.

⁷ Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. М., 1994. С. 93.

⁸ Бараташвили К., Бараташвили Л. Указ. раб. // ЛГ. № 10. С. 103.

⁹ ХТС. № 7 // Хроника текущих событий. Вып. 1–15. С. 133.

¹⁰ Интервью с Ясином Хасановым и Исой Ашрафовым, участниками Первого курултая. Тбилиси, 24–25 октября 1995 г.

¹¹ Интервью с Ю. Сарваровым 6 марта 1996 г.

¹² Осипов А.Г. Влияние государственной идеологии на самосознание и активность меньшинств (на примере месхетинских турок) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1994. № 2. С. 35–40.

¹³ Интервью с Ясином Хасановым. Тбилиси, 24 октября 1995 г.; интервью с Исой Ашрафовым. Тбилиси, 25 октября 1995 г.

¹⁴ Интервью с Г. Мамулиа. Тбилиси, 30 июля 1992 г.

¹⁵ Архив Института политических партий. Ф. 14. Оп. 40. Л. 177–181.

¹⁶ Бараташвили Л., Бараташвили К. Указ. раб. // ЛГ. № 11. С. 168.

¹⁷ Там же. № 10. С. 109.

¹⁸ Ахалгазрда иверизели. 1992. № 83–84; интервью с И. Ашрафовым, 25 октября 1995 г.

¹⁹ Интервью с И. Ашрафовым и Я. Хасановым.

²⁰ То же.

²¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 23. Ст. 181.

²² ХТС. № 9. С. 217.

²³ По данным Ю. Сарварова.

²⁴ Обращение членов ВОКО к Л.И. Брежневу от 5 февраля 1982 г. № 1856 – копия из архива Ю. Сарварова.

²⁵ ХТС. № 7. С. 134; Бараташвили К., Бараташвили Л. Указ. раб. // ЛГ. № 11. С. 163–164.

²⁶ По данным И. Ашрафова; ХТС. № 19. С. 166–167.

²⁷ ХТС. № 9. С. 132–135; № 19. С. 167–168 – копия постановления Шестого общенародного собрания, хранящаяся у Ю. Сарварова.

²⁸ Копия постановления Шестого общенародного собрания.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же; ХТС. № 19. С. 167–168.

³¹ ХТС. № 20. С. 217–218.

³² По копии документа, имеющейся в архиве Ю. Сарварова.

³³ По копии итоговой резолюции из архива Ю. Сарварова.

³⁴ По тексту протокола, имеющегося в архиве Ю. Сарварова.

³⁵ Из дневника Ю. Сарварова.

³⁶ По копии «Протеста» Седьмого курултая, хранящейся в архиве Ю. Сарварова.

³⁷ ХТС. № 22. С. 288; ХТС. № 34. Нью-Йорк, 1975. С. 90.

³⁸ Алексеева Л. Указ. раб. С. 113; информация Ю. Сарварова.

³⁹ По данным Ю. Сарварова.

⁴⁰ По дневниковым записям Ю. Сарварова.

⁴¹ По копии обращения, хранящейся в архиве Ю. Сарварова.

⁴² Сб. документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Вып. 3. Нью-Йорк, 1977. С. 22.

⁴³ По текстам обращения на имя З.А. Патаридзе (док. ВОКО № 700/15 от 16 сентября 1978 г.) и обращения на имя Л.И. Брежнева (док. ВОКО № 700/18 от 24 января 1979 г.).

⁴⁴ Документы ВОКО № 700/21 от 15 февраля 1979 г. и № 700/24 от 17 июня 1979 г.

⁴⁵ Док. ВОКО № 700/24.

⁴⁶ В 1979 г. планировалось принять до 150 семей, в 1980 г. – до 200. Данные приводятся по черновику обращения Ю. Сарварова к первому секретарю ЦК КПГр. Д.И. Патиашвили (1988 г.).

⁴⁷ С 1966 по 1989 г., по данным Госкомтруда Грузинской ССР, на территорию Грузии въехало 380 семей месхетинцев, к 1 мая 1989 г. 150 из них выехали за пределы республики. См.: Турки из Месхетии... С. 109.

⁴⁸ Из обращения на имя Ю.В. Андропова (док. ВОКО № 700/47 от 1 ноября 1981 г.).

⁴⁹ По информации Ю. Сарварова.

⁵⁰ По протоколу № 2 заседания ВОКО от 12 апреля 1987 г.

⁵¹ Панин Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) // Сов. этнография. 1990. № 1. С. 18.

⁵² Об истории месхетинского движения после 1989 г. и современных проблемах месхетинцев см.: Брусина О.И., Осипов А.Г. Об изучении межнациональных отношений. Взгляд на проблемы Узбекистана // ЭО. № 3. 1993. С. 15–27; Осипов А.Г. Влияние государственной идеологии на самосознание...; Осипов А.Г., Черепова О.И. Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М., 1996.

A.G. O s i p o v. The Movement of Meskhetians for Repatriation (1956–1988)

In 1944 Meskhetians (Meskhetian Turks and Meskhes) were deported forcibly from South Georgia to Central Asia and Kazakhstan and since that time they haven't got an opportunity to come back to their native places. In connection with it the movement for repatriation appeared among Meskhetians.

In 1995–1996 the author looked for and researched the private collections of documents which are at former and present Meskhetian movement leaders disposal. The author retraces the history of Meskhetian movement and analyses its aims.

© 1998 г., ЭО, № 5

А.А. И с т о м и н

НАЧАЛО СОЗДАНИЯ «ОБЩИХ СЕЛЕНИЙ» НА ОСТРОВЕ КАДЬЯК В РУССКОЙ АМЕРИКЕ (1839–1842 гг.)

Параллели и аналогии между колониальными системами Русской и Испанской Америк продолжают привлекать внимание исследователей, о чем свидетельствует недавняя публикация А.В. Гринева¹. Критический анализ ее выводов – тема отдельной статьи. Здесь же мы обратимся к конкретному историческому анализу возникновения одного из явлений, которое в Русской Америке выступало аналогом испаноамериканской системы редуций (специально организованных поселений, в которых в целях административного контроля и аккультурации концентрировались коренные жители). Речь идет о так называемых «общих селениях».

Первоочередное внимание к «общим селениям» определяется давним интересом автора к этой теме. В выступлении на заседании круглого стола, организованном журналом «Латинская Америка» в январе 1986 г. (опубликовано год спустя), мною впервые был поставлен вопрос о сущностном сходстве русской и испанской колонизаций Америки, очерчен круг аналогий, и среди них, в частности, также впервые была выделена «политика концентрации коренных жителей в специальных поселениях с целью усиления административного и религиозного контроля» – политика, которая рассматривалась как феномен, обусловленный определенным принципиальным сходством общественного строя Испанской и Русской Америк. Были названы и аналогичные проявления этой политики в обоих случаях: редуции в Испанской Америке и «общие селения» на о-ве Кадьяке². Пишу об этом столь подробно только потому, что статья А.В. Гринева, в которой о предшествующих работах сообщается весьма лаконично, может создать у читателя-неспециалиста не вполне точное представление об истории вопроса.

Возникновению «общих селений» на Кадьяке посвящен мой доклад (на испанском языке) на 48-м Международном конгрессе американистов в Стокгольме (июль 1994 г.)³. В переработанном и существенно дополненном виде этот доклад лег в основу данной статьи.

Что касается А.В. Гринева, то, обратившись в своей статье (1996 г.) к данному